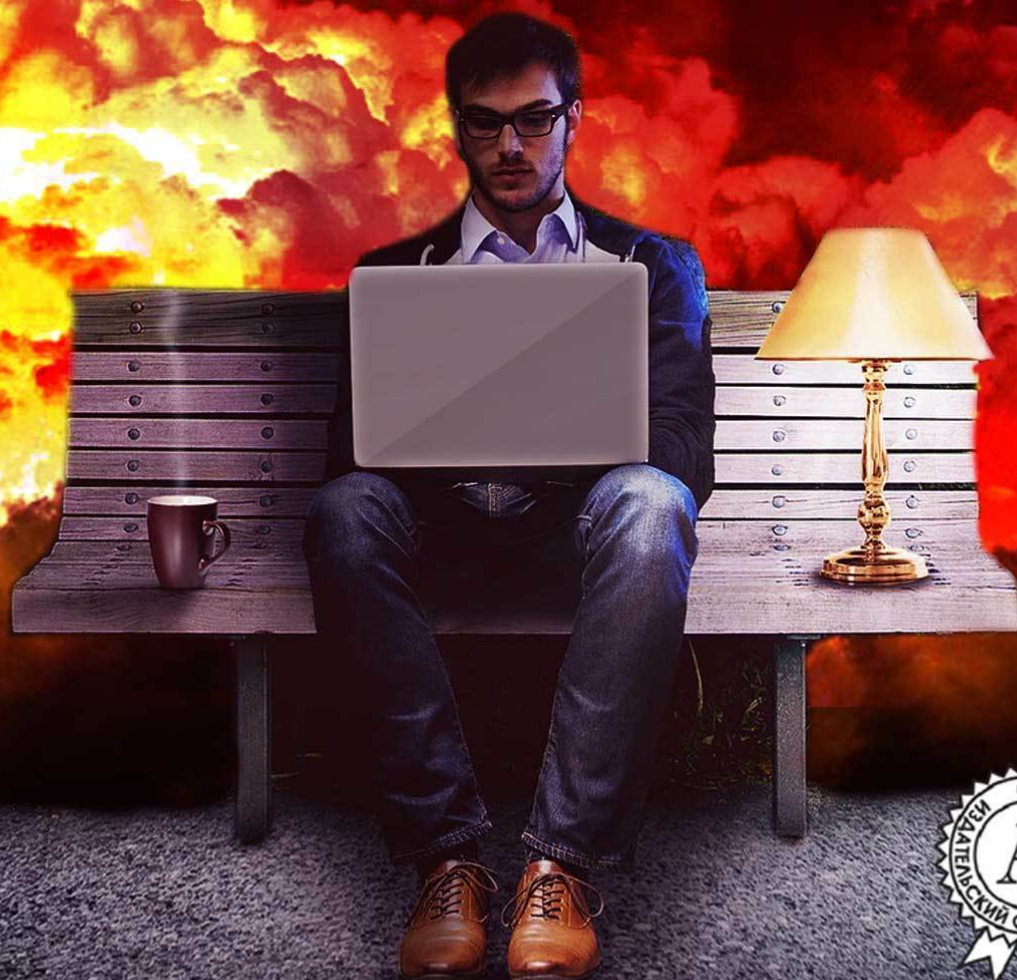

ЕВГЕНИЙ ЯКУБОВИЧ

ПРОГРАММИСТ ДЛЯ ПРЕИСПОДНЕЙ

Евгений Якубович

Программист для преисподней

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Якубович Е.

Программист для преисподней / Е. Якубович —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Ну достали человека! С работы уволили, в семье полный разлад. Человек кричит: "Уйду от вас к черту!". И перед ним появляется черт с весьма странным предложением. В результате главный герой отправляется на работу... в Преисподнюю. Отрицательные эмоции, накопившиеся за не слишком удавшуюся жизнь главного героя, превращаются в сильнейшие магические способности. Вполне комфортно устроившись в адских условиях, он помогает новым знакомым исправить их судьбы. Для этого ему приходится ненадолго отправиться в СССР восьмидесятых годов... Откровенная чертовщина и запредельная магия с одной стороны, и узнаваемые живые персонажи с реальными судьбами с другой: таковы ингредиенты этой книги. И все это круто замешано на первоклассном юморе.

© Якубович Е.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Евгений Якубович
Программист для преисподней
роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Злые вы, уйду я от вас

Глава 1

*«Я сам служу, сударыня. Каждый день к девяти мне
надо идти в магистрат. Не скажу, что это подвиг,
но вообще, что-то героическое в этом есть...»*
(Григорий Горин, «Тот самый Мюнхгаузен»)

Большая стеклянная дверь за моей спиной глухо ухнула и разбилась, взорвалась, распалась, брызнула в стороны миллионом подмигивающих в лучах утреннего солнца алмазных осколков. Я обернулся и ошарашено уставился на гору мусора в том месте, где только что находилась автоматическая входная дверь, предмет гордости коменданта здания.

– Нет, не может быть, это просто совпадение, – пробормотал я.

Да, в тот момент я был крайне раздосадован и зол на весь мир. Конечно, мне очень хотелось немедленно что-нибудь сломать, разорвать в клочья или же взорвать. Согласен, я мысленно представил, что у меня, как в мультиках, кулак превратился в гирию с надписью «2 тонны», и этим кулаком я с размаху ударил по двери, разбивая вдребезги толстенное пуленепробиваемое стекло.

Но ведь я только представил себе это, и больше ничего. А тут на тебе!

Если бы я знал, что это только начало в цепи совершенно невероятных событий происшедших со мной. Но позвольте изложить все по порядку.

В тот день я проснулся в хорошем настроении, необычно бодрый для начала недели. В рабочие дни я исключительно редко встаю таким оптимистом, да и ни к чему это, по-моему. Настраиваешь организм на минимальный расход душевных сил и энергии, чтобы рабочий день дотянуть как-нибудь. А сегодня, как в детстве, с утра пришло ощущение праздника.

Вспомнив прошлую неделю, я с удовольствием отметил, что действительно меня ждет на работе кое-что приятное. Мелочь конечно, но иногда такие мелочи могут определить хорошее настроение на весь день вперед. Я всегда радуюсь мелочам – крупные поводы для радости это ведь такая редкость.

Для тех, кто не работал в хайтеке, хочу пояснить. Огромное роскошное здание нашей фирмы украшено снаружи зеркальными окнами и дорогим отделочным камнем; то ли настоящий мрамор, то ли уже синтетику такую придумали. В общем, оставляет очень приятное впечатление.

Внутри все далеко не так респектабельно. Просторные залы разделены перегородками на так называемые кубики. В загончике стоит пара столов с компьютерами, у каждого стола – кресло. Больше в кубиках ничего не помещается. Разве что в углу сиротливо прижмется стул для одинокого посетителя. В одной из таких клетушек я и работаю.

Неделю назад, ко мне в кубик заглянула импозантная дама из отдела кадров и записала всех, кто в нем обитает. Кроме каких-то высших бюрократических интересов, цель переписи состояла в том, что хозяйственный отдел собрался изготовить таблички с именами сотрудников для каждого кубика – свою. Не знаю, почему уж это мероприятие так меня заинтересовало, но я несколько дней провел в беспокойном ожидании. Но вот, к концу недели в проходе появился техник, и после пяти минут жужжания и скрежета, на входе в кубик красовалась табличка с моим именем.

Эта табличка и манила меня сегодня, как магнит. Я предвкушал, как небрежно брошу на нее взгляд. А главное, можно будет говорить посетителям, разыскивающим меня: «Там на входе написана моя фамилия, не ошибетесь». Ну, чисто ребенок, право слово.

С такими мыслями и подъехал я к работе. Поставил машину на стоянку и пошел к входу. День чудесный: небо синее, облачка белые, девушки на встречу идут все молодые и красивые. В платьях и юбках у нас девчонки почти не ходят, и я считаю это большим упущением. Зато брюки на них сидят как влитые, и как только они в них втискиваются, не понимаю? Одна старшеклассница объяснила мне – в жизни может многое произойти: и двойку можно получить, и с другом поссориться, но штаны всегда должны быть обтягивающими! В общем, очень приятное зрелище.

Ну и, конечно, маечки. Тоже обтягивающие и коротенькие-коротенькие, чтоб пупок был виден. И зимой и летом эти маечки сводят с ума и без того любвеобильное население моей восточной страны. Зимы у нас по сравнению с Россией совсем никакие, не то чтобы снега, дождя нормального не дожدهшься. Но все же бывает ощутимо прохладно. Закутаешься в такой день во что-нибудь шерстяное, да еще легкую курточку сверху набросишь, так – в самый раз. А они, неподдающиеся, гордо идут навстречу в тех же самых маечках, чтобы потенция у мужского населения за зиму, не приведи господи, не снизилась. И все им нипочем: ни дождь, ни холод. Мерзнут ведь, животики аж посинели, но не сдаются. Упорно не одеваются. Гордость наша – эти синие зимние девчоночьи пупки.

Посмотрел я на все это, вздохнул, слюнку сглотнул, и пошел дальше. У входа царит необычное оживление. Все ведут себя очень странно. Один выходит с отрешенным видом, едва не натыкаясь на встречающих. Другой наоборот, останавливает входящих и что-то лихорадочно им объясняет, рассказывает, отчаянно жестикулируя при этом. Потом на середине слова вдруг махнет рукой, повернется и уйдет. Тут же бегают какие-то типы с папками, никогда их у нас не видел. Суматоха, одним словом.

У тротуара чуть подальше стоит «скорая», и там, похоже, кого-то откачивают. Подхожу ближе и вижу, как оттуда навстречу мне под руки ведут знакомую девушку из отдела рекламы. Они там, в этом отделе, все очень приятные ребята, туда специально только таких и берут. А она даже на таком фоне выделяется. У нас с ней дружеские отношения, ходим вместе обедать, и потрепаться всегда есть о чем. Однажды я даже решил предложить подвезти ее домой. Но она уходит с работы значительно раньше, и я оставил эту затею. И вот ее проводят мимо меня, а она бледная такая, еле ноги передвигает. Я к ней, Ириша, мол, что с тобой? А она только рукой махнула в сторону входа, и пробормотала: «там все узнаешь». И разревелась. А ее отвели чуть подальше, и посадили в машину, ожидавшую возле входа. Да не просто в машину, а в самый настоящий лимузин. Черный, длинный и роскошный. Я не сразу обратил внимание, что возле входа стоят еще несколько таких же.

Я повернулся, посмотрел на здание. Через стеклянную входную дверь было видно, что в вестибюле стоит та самая импозантная дама из отдела кадров, которая неделю назад проводила перепись. Рядом с дамой – охранник. Дама встречала входящих. Одних она оставляла без внимания; других ненадолго останавливала и разговаривала о чем-то, видимо очень серьезном, потому что ее собеседники с мрачными лицами спешно пропадали в глубине здания. Некоторым выдавались небольшие запечатанные конверты с эмблемой фирмы. Охранник выполнял одновременно две функции: во-первых забирал ключи от служебных автомобилей у получивших конверты, во-вторых – ненавязчиво, но решительно пресекал все их попытки прорваться в здание.

Я все понял. К нам пришло Большое Увольнение. Это было ясно уже с первого взгляда, но очень не хотелось верить. В таких случаях всегда придумываешь массу других возможных версий происходящего. Уж больно не хочется соглашаться с той единственной настоящей причиной, вызвавшей нервное столпотворение перед входом.

Знаменитое хайтековское Большое Увольнение проходит как военная операция. План готовится руководством загодя, под большим секретом. Как и при генеральном наступлении, успех тут зависит от двух слагаемых: секретность подготовки и внезапность исполнения. Программист не должен знать о грядущем увольнении до самой последней минуты, чтобы не успел стирить ценное хозяйское имущество, сиречь программы, им же написанные. Или вирус от обиды запустить. Глупость, конечно, отчаянная, но когда крупная фирма терпит убытки и пытается спешно залатать дыры в бюджете, можно и не такое увидеть.

И вот встречаются работника у входа, отбирают ключи от служебной машины, суют ему в руки конверт с письмом об отставке, разворачивают на сто восемьдесят градусов и отправляют за дверь. А там уже и санитар наготове – не желаете ли нашатырчика нюхнуть? Очень, знаете ли, способствует! А потом берут его под руки и провожают к лимузину. Шофер ждет перед распахнутой дверцей – садись, дорогой, мигом домой домчу, фирма платит!

Большинство сотрудников ездят на работу на машинах, арендованных фирмой. И возвращаться домой уволенным сотрудникам уже не на чем. Поэтому, с раннего утра перед зданием фирмы постоянно дежурит несколько лимузинов, арендованных фирмой на весь день. Почему-то считается, что уволенных программистов следует увозить домой только на лимузинах. Некоторые «счастливчики» катаются таким образом уже второй, а то и третий раз.

Я глубоко вздохнул и попытался убедить себя, что меня увольнение вряд ли коснется. Я же не дописал пару важных модулей к новой версии нашего продукта! Буквально на днях ожидается совещание, на котором мы собираемся обсудить возможность применения новых технологий.

И потом – таблички. За эту мысль я ухватился и уже не отпускал ее. Ну, конечно же, говорил я себе, пока приближался к входу, увольнение меня не коснется. Не может такого быть, чтобы, зная о готовящемся увольнении, они приготовили и повесили мне на дверь персональную табличку. Дальше мысль совершила совершенно фантастический вывод – значит, это было сделано специально для того, чтоб меня предупредить. Руководство хотело успокоить остающихся сотрудников. Открыто сказать о готовящемся увольнении нельзя, и тем более нельзя обнародовать списки. Но, *sapienti sat* – понимающему достаточно. Никаких тайн, на самом деле, нет. Тем, кто останется раздадут персональные таблички, как индульгенции на грядущем Страшном Суде. Сегодня я иду совершенно спокойный, я знаю, что необходим фирме и меня, конечно, не уволят.

Я вошел в здание. Дама из отдела кадров и охранник переглянулись. Я приветливо кивнул обоим, и с независимым видом попытался пройти дальше по коридору, туда, в родной кубик, где меня ждут мой компьютер и персональная табличка.

Далеко уйти мне не дали. Охранник профессионально вежливым, но не терпящим отказа жестом, остановил меня. Дама механически проговорила фразу о том, что в связи с тяжелым положением фирма вынуждена уволить меня. Затем, с хорошо разыгранным оптимизмом она рассказала, что в ближайшее время у компании могут опять открыться новые вакансии, и они непременно свяжутся со мной. Очень, очень жаль, повторила она, что мы вынуждены расстаться с таким замечательным сотрудником, но вы понимаете, времена тяжелые и всем нам приходится чем-то жертвовать.

Тем временем охранник забрал у меня ключи и документы на машину, и выдал взамен заполненную карточку, которую я должен был отдать водителю лимузина.

– Подождите, подождите, – запротестовал я. Я настолько убедил себя по дороге, что увольнение меня не коснется, что никак не мог понять, что происходит. – А как же табличка? Ведь только вчера повесили?

– Какая табличка? – не поняла теперь дама.

– Табличка с моей фамилией на входе в кубик. Зачем ее вешали, если уже было известно об увольнениях?

– А! – рассмеялась дама. – Я как раз сегодня говорила об этом с вице-президентом. Это наша обычная неразбериха. Ничего страшного, это стоило совсем недорого.

Эта фраза меня и доконала. На меня нахлынула волна обиды. Так обидно мне не было с десятилетнего возраста, когда учительница поставила мне в журнале двойку, перепутав меня с моим приятелем. Теперь я вспомнил ту несправедливость, и именно теперь мне захотелось срочно отомстить за нее. И за все остальное. За школьные обиды и незаслуженные неприятности в институте и на работе; за унижения в ОВИРе; за первые тяжелые годы в Израиле; за то, что и тут, и там я был, есть и навсегда останусь чужим; за все мошенничества и обманы, с которыми мне пришлось здесь столкнуться, и которыми я уже был сыт по горло. За то, что в детстве меня били хулиганы, и за то, что я неудачно женат сейчас. И за то, что...

Я развернулся и вышел на улицу. Стеклопанная автоматическая дверь бесшумно закрылась, отрезав возможность дальнейшей карьеры в фирме. И так мне захотелось пнуть ее, чтобы она разлетелась вдребезги! Тут она и бабахнула...

За спиной раздался страшный грохот, послышались крики. На мгновение все вокруг замерло, но потом общая суматоха стократно ускорилась. Я обернулся – стекла в двери больше не было, а вместо него на полу лежала аккуратная кучка мельчайших стеклянных осколков. Возле двери уже толпился народ. Кто-то авторитетно объяснял, что это такое напряженное стекло, которое при определенных условиях может вот так внезапно взорваться, без всякой видимой причины. Он, де, уже видел подобный случай то ли в Париже, то ли в Цюрихе.

Я пожал плечами – бывает же такое! – и пошел дальше, к лимузину. Водитель открыл мне дверь и, подождя пока я устроюсь поудобнее, захлопнул ее. Мы поехали. В другое время я постарался бы получить максимум удовольствия от поездки. Но сегодня я даже не обратил внимания на окружающую меня роскошь. Во мне кипела обида. И еще я думал: какое странное совпадение – стекло взорвалось именно в тот момент, когда я мысленно попытался его разбить. Шофер лимузина, психолог, как и все водители таких экипажей, почувствовал мое настроение и благоразумно молчал всю дорогу.

Я сидел на заднем сиденье и вертел в руках конверт, который вручила мне дама из отдела кадров. В конверте, помимо письма, лежал чек с крупной суммой. Это компенсация за увольнение, которая обычно составляет несколько месячных окладов. Законы фирма тщательно соблюдает. Более того, компания готова иногда увеличивать компенсации, чтобы никто и ничто не мешало победному окончанию задуманной операции. Руководству фирмы эти сокращения жизненно необходимы. В отрасли кризис, мыльный пузырь хайтека, непомерно раздутый отчаянными биржевыми спекуляциями, вот-вот лопнет совсем. И мы вернемся к счетам и арифмометрам. Да гори оно все огнем, счетные палочки – и то лучше.

Размышляя таким образом, я не заметил, как мы приехали. Лимузин стоял возле моего подъезда и любопытные соседи, проходя мимо, пытались разглядеть меня сквозь темные стекла. Я все еще дулся на весь свет. Все так же молча, будто шофер в чем-то провинился передо мной, я вышел из машины и захлопнул за собой дверцу. Лимузин отъехал и остановился у ближайшего светофора. Я стоял и смотрел ему вслед. В голове крутилась мысль, а что если у него лопнут шины? Одновременно на всех колесах, все четыре сразу? Я со злорадством представил себе покореженную роскошную машину; подумал как удивится шофер, и какая начнется вокруг суматоха.

Едва я успел додумать эту мысль до конца, как раздалось негромкое «пфф!», и лимузин как-то странно осел. Загорелся зеленый свет и водитель, еще не поняв, что случилось, резко тронулся с места. Раздался неприятный, чавкающий звук, когда тяжелая машина попыталась проехать на полностью спущенных шинах. Водитель, почуяв неладное, затормозил и встал у обочины. Он буквально выпрыгнул из машины бросился осматривать колеса. Похоже, он просто не верил тому, что видел.

Шофер дважды обошел вокруг машины, и тщательно изучил каждое колесо. Вокруг собралась толпа любопытных. Все наперебой давали противоречивые советы. Совершенно обалдевший шофер полез в багажник, достал манометр, и стал мерить давление в спущенных, изодранных в клочья шинах.

Когда манометр последовательно показал нулевое давление в каждом из колес, шофер убедился в неминуемом. Как водится в таких случаях, он обратился к окружающим с небольшой речью. Толпа зашевелилась, загудела. Все захотели лично убедиться и полезли к машине. Образовалась небольшая давка, колеса внимательно рассматривали, щупали их, и зачем-то пинали.

Один из зевак предложил осмотреть дорогу. Толпа вывалилась на проезжую часть, перекрыв движение. Стали искать причину такого необычного прокола. Проезжавшие машины останавливались и из них выходили водители. Узнав о происшедшем, они первым делом отправлялись осматривать лимузин, а затем присоединялись к поискам. Десять минут интенсивного исследования покрытия ничего не дали. Асфальт был девственно чист.

Через некоторое время люди потеряли к происшествию интерес и разошлась, оставив водителя в одиночестве дожидаться вызванную им техничку. Водитель курил, прислонившись к машине. Заметив, что я наблюдаю за ним, он бросил на меня подозрительный взгляд и отошел подальше. Я стоял и смотрел на все это со странным чувством. Меня преследовало ощущение, что я каким-то образом связан с аварией лимузина. Точно так же, как и с разбитым стеклом в двери на работе. Я вспомнил, что за мгновение до каждого из этих происшествий, я мысленно представил себе, что и как произойдет. И это действительно происходило. От такой мысли по позвоночнику пробежали мурашки.

Приятно, конечно, приобрести вдруг некие сверхъестественные способности, например – предвидеть будущее или лечить на расстоянии. Но обладать даром разрушения, которым не можешь управлять – это сильно нервирует. Не хватало мне еще заделаться экстрасенсом, да еще таким, который сам не знает, что вытворит в следующую секунду. Так недолго и собственный дом спалить.

Лучше буду считать, что это просто случайность. Мало ли на свете совпадений, в конце концов, решил я. Мне и в самом деле было уже не до этого. Впереди меня ждало объяснение с женой и тещей, которое обещало быть много неприятнее всех разбитых стекол и проколотых шин в мире. Терзаемый нехорошими предчувствиями, я поднялся по лестнице и зашел в квартиру.

Глава 2

*– Господин капрал, -
прервал его вольноопределяющийся. -
Бросаться направо и налево дерьмом -
аргументация более или менее убедительная.
(Я. Гашек. «Похождения Швейка».)*

Не успел я закрыть за собой дверь, как на меня зашикали два голоса. Женская половина семьи смотрела телевизор. Когда по телику показывают очередное кино, в доме должна стоять абсолютная тишина. Стоит мне, по недоразумению, что-то сказать в это время или просто по неосторожности зашуметь, то меня тут же одёргивают и лихорадочно начинают выяснять друг у друга «что она ему ответила, ты не слышала?».

Таким образом, сообщение об увольнении откладывалось, и я получил отсрочку для того, чтобы сесть и спокойно все обдумать. Я зашел в кухню, налил в стакан колы, бросил туда пару кусочков льда. С этим стаканом я прошел в свой кабинет, открыл окно, уселся поудобнее в кресле и закурил. Курить в кабинете – одна из немногих моих домашних привилегий, которую я сумел отвоевать для себя.

Кабинет у меня замечательный. В небольшой комнате (она в документах считается половинкой) впрытк поместился большой письменный стол, удобное офисное кресло и стул. На столе – компьютер со всем необходимым для работы, над столом – полки с книгами и дисками. Сигареты и пепельница тут же рядом, на подоконнике. Больше мне ничего не требуется. Привычная обстановка помогла мне не то, чтобы успокоиться, но хотя бы привести в порядок мысли. Я оглядел свой кабинет, в котором так удобно размышлять и работать, и в котором я всегда отсиживался, когда семейный барометр зашкаливал за отметку «буря».

Эту квартиру с большой гостиной, с отдельными спальнями для нас и для тещи, и маленькой комнатухой, гордо называемой кабинетом, я купил всего год назад. И вот теперь, если в ближайшее время я не найду новую работу, – мне придется попрощаться с ней. Если сдать квартиру жильцам, то можно возвращать банковскую ссуду за счет их платежей. А нам снова придется снимать квартиру поменьше и подешевле.

С горечью я вспомнил, сколько раз просил Веронику не тратить все деньги, и держать хотя бы небольшой запас. Ничего не получалось. Каждый месяц приходилось тратиться на что-нибудь, по ее мнению, совершенно необходимое. Например, на новые туфли или золотые украшения, которые продавались с «небывалой скидкой». Обычно эта скидка действовала лишь до конца месяца, и необходимо было успеть сделать покупки, чтобы сэкономить сотни шекелей, как утверждала реклама. Мои слова, что если не покупать совсем, то мы сэкономим значительно больше, принимались в семье как не слишком остроумная шутка. И вот теперь, я остался без всякого резерва на банковском счете.

Я понемногу отхлебывал из стакана и прислушивался к тому, что происходит снаружи. В телевизоре престарелый дон Альфредо, судя по всему – большой бабник, делал неприличное предложение некой Люсии. Люсия отказывалась, но не слишком убедительно. Было ясно, что через несколько серий она все же согласится. Лишь бы благородный дон дожил до этого времени, подумал я. Господи, как я ненавижу эти сериалы. Говорят, что они рассчитаны на среднего зрителя. Никогда не поверю, что среднестатистический зритель настолько неприятелен. Я все же более высокого мнения о человечестве.

Наконец зазвучала финальная музыка. Пару минут жена с тещей обменивались впечатлениями, затем вспомнили, что я вернулся домой неожиданно рано.

– Сашенька, родной, ты не заболел? У тебя нет гриппа? Сейчас такой грипп, надо быть осторожнее! – раздался голос жены.

– Нет, спасибо, я здоров, – ответил я, выходя из кабинета и усаживаясь в кресло в гостиной. – И вот еще что... К сожалению, у меня плохие новости.

– Что случилось? – хором спросили женщины. Сладость, разлившаяся на их лицах после любимого сериала, стремительно исчезала. Они настороженно переглянулись – что там еще отчебучил наш неумеха?

– Ну, вы знаете какое сейчас положение в хайтеке, заказов нет, объемы уменьшаются. Везде идут сокращения. Ну и нас тоже сегодня были увольнения, – неуверенно начал я. В ответ получил ледяное молчание. Все сразу же все поняли, но вслух это произнести должен был я сам.

– Ну, в общем, меня тоже уволили.

– Я так и знала! – воскликнула теща. Я даже закончить не успел. – я ему сто раз говорила!

– Что вы говорили? – не понял я.

– Я всегда говорила, что надо вести себя по-другому. У всех наших знакомых все время на работе сокращения, но ни у кого мужей не увольняют. Только нашего шлимазла тут же уволили.

– Но я тут при чем! У нас сегодня уволили почти половину служащих.

– И правильно сделали. Таких неудачников нужно увольнять. Муж Доры Самуиловны остался в отделе вообще один-единственный. Потому, что он настоящий мужчина и знает подход к начальству. А ты только и умеешь стучать по клавишам. Уткнулся в свой компьютер, а то, что делается вокруг – не замечаешь.

– А что мне еще делать? Это моя работа.

– Не знаешь ты жизни. Сколько я тебя учу, а все без толку. Надо было выкраивать время, и вместо того чтобы пялиться в экран, походить, поспрашивать людей. Поговорить с начальником один на один. Рассказать, как ты счастлив, что работаешь именно у него в отделе. И обязательно хоть раз в неделю рассказывать ему, как ты спасаешь работу всей группы. Расскажи, что Миша не справляется с работой, что Сема все время спрашивает у тебя самые простые вещи. Расскажи, как Шмулик тратит на обед по два часа. Ну, и я не знаю, ты же там работаешь, не я. Надо все время втолковывать начальнику, что ты – самый лучший, что работа всего отдела держится на одном тебе.

– Мама, не трать время, – прервала ее Вероника. – Ты же видишь, он ничего не понимает и не поймет. Сколько его мордой в грязь не тыкай, он все равно считает, что он самый умный.

– Запомни, – она повернулась уже ко мне. – В увольнении виноват только ты сам. Ведь фирму не закрыли совсем. Те, кто вовремя подсустились, сохранили свои места. А вот таких дурачков как ты повыгоняли. Если бы ты хоть раз в жизни повел себя по-умному, ты бы тоже остался. А теперь вот, что мы будем делать? Ты хоть письмо об увольнении получил? Или нам теперь вообще умирать с голоду?

– Ну, не все так страшно. Письмо мне дали, завтра я зарегистрируюсь на бирже. К тому же мне сразу выдали компенсацию за увольнение.

Вероника тут же сделала стойку.

– Ой, а вот это очень кстати. Я утром разговаривала с Шурочкой, ну, ты знаешь, – Вероника обратилась к теще. – Ну, эта, у которой муж в универмаге в охране работает. Он ей сказал, что у них началась зимняя распродажа. Шурочка там уже была, говорит – там есть потрясающие свитера почти даром. Она уже себе купила, и совсем недорого. Она потом специально проверила. Возле ее дома точно такие же стоят, на двести шекелей дороже. Надо будет сегодня же туда съездить.

– Сашенька, – она снова повернулась ко мне. – Шурочка сказала, что там есть и на мужчин. Надо тебе купить свитерок, а то ты у нас совсем обносился. Давай туда съездим вечером, а?

- На чем? – не вдаваясь в подробности, спросил я.
- А что случилось с нашей машиной?
- Нашу машину уволили вместе со мной. Придется теперь на автобусе ездить. На такси утки, пожалуйста, денег нет. И на эти ваши так называемые дешевые свитера тоже.
- Ты хочешь сказать, что мы остались без машины?
- Да, мы остались без машины! – я начал заводиться. – Если ты еще не забыла, то это была служебная машина, а не наша собственная. Ты сама говорила, что это дешевле и что все теперь ездят только на служебных машинах. Вот мы и приехали.
- А как же мы поедem в универмаг? Туда далеко, надо будет вызвать такси, – неуверенно начала Вероника.
- Да опомнись ты!! – заорал я. – Забудь хоть на две минуты об этих чертовых шмотках. Мы остались без машины, мы остались без моей зарплаты, мы видимо скоро останемся вообще без дома.
- Без дома? Мама, что он говорит, при чем тут наш дом? Ты что с ума сошел, почему мы останемся без дома?
- Саша, при чем тут дом? – подключилась теща.
- Потому, что теперь нам эта квартира не по средствам. Я ведь просил не тратить все деньги, чтобы оставался какой-то запас. А вы мгновенно все тратите.
- Ты нас тратами не упрекай. Сейчас все так живут. У многих постоянный минус в банке, а живут лучше нас. Ты и так нас все время останавливаешь. Вероничке одеть нечего. Стыдно из дома выйти! Вел бы себя по-другому, так и ничего бы не случилось. А теперь вот, извольте, выгоняет из дома родную жену!
- Да кто кого выгоняет, вы что! Послушайте, давайте спокойно все обсудим. Положение действительно неприятное. Но давайте спокойно подсчитаем. Я надеюсь, что мы сможем обойтись без продажи квартиры. Пособие мне положено. Завтра я обращусь снова к Ицхаку, помните, он меня в первый год устроил мыть подъезды? Вот через него я думаю, снова можно будет подрабатывать. Свободного времени у меня теперь навалом. И буду искать работу. Что-нибудь да выстрелит.
- Ну, вот и хорошо, – успокоилась теща. – А то ты сразу из всего делаешь трагедию. Только вот за подъезды, я слышала, сейчас платят очень мало. Может, еще что-нибудь поищешь? Сам говоришь, времени у тебя теперь будет много. Ты вот что, попробуй заниматься с детьми. Говорят, это очень выгодно. Повесь объявление возле поликлиники, там всегда много народу.
- Это, конечно, идея. Но я совершенно не знаю здешнюю школьную программу. Надо будет все разузнать. И вообще, я надеюсь продолжать работать по специальности.
- Одно другому не мешает. Я свяжусь со знакомыми, выясним, кто у нас преподает в школе и тебе все расскажут.
- Э, Татьяна Самуиловна, это конечно все хорошо, но мне придется много заниматься в это время. Я хочу изучить пару новых систем, на которые сейчас возможен спрос, и не смогу работать круглые сутки. Я как раз прикинул, что договорюсь на два-три подъезда, не больше. Мне нужно будет много заниматься. Поймите, в моей специальности никак нельзя отставать, иначе я точно не найду работу.
- А на что мы будем жить, пока ты занимаешься? – с издевкой в голосе спросила теща. Мол, знаем мы тебя, запрешься у себя в кабинете, уткнешься в экран и плевать тебе на семью.
- Вот об этом я и хотел поговорить. По-моему, Веронике пора выйти на работу.
- Ага, Веронике на работу. А ты будешь сидеть дома перед компьютером! И что же, по-твоему, она должна делать? Подъезды мыть вместо тебя?
- Не вместо меня, а вместе со мной. Если она станет работать со мной вместе, то это будет очень удобно. Я видел, как работают вдвоем, получается очень быстро. Можно будет взять не

по два подъезда на каждого, а сразу пять или даже шесть, и мыть их вдвоем. Это тяжело, зато мы сможем продержаться, пока я снова не устроюсь на нормальную работу. И, главное, что квартира тогда точно останется за нами.

Повисла пауза. Вероника поднялась с дивана и подошла к кухонному шкафу. Она демонстративно достала оттуда сердечные капли и стала капать в стакан, считая вслух. Отсчитав сорок капель, она добавила воды, выпила, со стоном опустилась на стул и несчастным голосом произнесла.

– Мама, я так больше не могу. Объясняйся с ним сама.

И теща объяснилась. Я никогда не попадал под артобстрел, когда по окопам лупит батальонная артиллерия. Но думаю, что это не страшнее того шквала, который обрушился на меня. Теща не баловала меня разнообразием. В десятый, если не в сотый раз за мою семейную жизнь, мне объяснили, что я просто ничтожество, что я искалечил жизнь ее дочке и себе самому. Я узнал и другие, не менее познавательные факты о своем характере и образе жизни. Когда обстрел начал утихать, я попросил тещу перейти непосредственно к самой теме.

– Ладно, я – последнее ничтожество, и во всем виноват я один. Но почему сейчас Вероника не может пойти работать? Почему я всю жизнь должен содержать ее один?

Теща захлебнулась от возмущения. Затем, наконец, сформулировала. Предельно емко.

– Она твоя жена. Она с тобой спит. Этого тебе не достаточно?

Теперь захлебнулся я. Внутренне я кипел, и ответ был готов немедленно сорваться с языка. Но воспитание все же не позволило. Последним усилием воли я захлопнул открывшийся было рот, и молча ушел в свою комнату. Уселся в кресло и одним глотком опорожнил стакан с согревшейся колой. Во рту тут же появился привкус хозяйственного мыла. Я достал сигареты и закурил. Нахлынули воспоминания.

За время нашей семейной жизни Вероника не работала ни одного дня. Как-то не принято было в их семье поднимать вопрос о ее работе. Она просто не работала, и это считалось само собой разумеющимся. До замужества Вероника успела отработать полтора месяца. Она набрала этот стаж на одном швейном гиганте, куда ее распределили после окончания института.

Да, у нее была профессия. Какая же талантливая девочка из приличной еврейской семьи не имела в СССР высшего образования? Вероника окончила институт легкой промышленности, по специальности «модельер верхней одежды». Обычно считается, что это – золотое дно, а не специальность. Но дело в том, что кроме специальности, есть еще и специализация, которая и определяет будущую область работы модельера.

Специализация у Вероники была очень узкая: дизайнер мужских галстуков. То есть, человек, который создает рисунки для них. Дело тонкое, здесь должны сочетаться и способности художника, и специальные технологические знания. Галстук – это вам не бумага и не холст. Каждый материал требует своего рисунка. То, что смотрится на натуральном шелке, на лавсане выглядит бесцветно. Для шерстяных тканей нужны совершенно иные узоры.

Художник может рисовать один и тот же пейзаж годами. В дизайне одежды все сложнее и, главное, переменчивей. В отличие от пейзажей, требования моды меняются быстро, и надо восьмым, девятым или специальным тридесатым чувством угадывать будущие тенденции. Поэтому настоящих мастеров единицы. Специализация эта считается жутко престижной. Дизайнер галстуков – элита среди модельеров одежды. К сожалению, элита эта исчисляется дюжиной специалистов по всему миру. Остальные, как и моя Вероника, могут только гордо называть свою профессию. Спрос на специалистов такого профиля, мягко говоря, невелик.

И вот после окончания института Вероника по распределению попала на швейную фабрику. Начальник отдела кадров, человек со своеобразным чувством юмора, ознакомившись с ее делом, отправил молодого специалиста на работу по специальности. Он учел ее весьма узкую специализацию. В общем, назначил он мою Вероничку мастером в цех, шьющий гал-

стуки. Пионерские галстуки. То есть, треугольники из ярко красной материи, которые повязывали на шею школьникам. С формальной точки зрения это были все же галстуки, и отказаться ей было невозможно.

Порой я сочувствую Веронике, когда начинаю задумываться о том, какое потрясение пережила бедная девочка, оказавшись в этом цеху. Воспитанная на престижных выставках модных художников и элитных показах мод в Доме Моделей, она оказалась в обычном производственном цеху с его шумом, вонью, грязью, матом, пьянством и прочими непереносимыми атрибутами производственного процесса. Пережитый ею шок оставил впечатление на всю жизнь. С тех самых пор Вероника испытывает непреодолимое отвращение к любой работе. Промучившись в цеху полтора месяца, Вероника просто перестала ходить на работу. На звонки домой из отдела кадров отвечала ее мама. Через некоторое время звонки прекратились.

Здесь, в Израиле, где галстуки не носят даже члены парламента, Вероникины профессиональные знания по уровню востребованности оказались в самом конце списка: между шахтером угольного разреза и водителем снегоуборочной техники. Остальные виды работ, начиная от несложной, но приятной должности секретарши, и кончая тяжелой, но более выгодной работы кассирши в супермаркете, по-прежнему отторгались ее организмом.

Первые годы в чужой стране, как водится, были тяжелыми. Пока я прошел череду языковых и профессиональных курсов, без которых невозможно устроиться по специальности, пока после множества обманов и разочарований нашел настоящую работу, прошло несколько лет. Однако все мои попытки уговорить Веронику тоже пойти работать, были безрезультатны.

В качестве доводов против ее работы приводились следующие: слабое здоровье, что сразу исключало любую физическую работу; неспособность рано вставать (это если работа началась рано); опасность позднего возвращения домой (о тех работах, которые заканчивались поздно); приставания хозяина к незащищенной женщине (небольшие офисы или магазины) и прочее.

Когда я напирал особенно сильно, внимание дискутирующих ненавязчиво переводилось на меня. Мне ставили в пример мужей каких-то таинственных знакомых, которые работали на престижных должностях в государственных учреждениях или в крупных частных фирмах. Если верить теще, они зарабатывали в десятки раз больше меня. При этом они с удовольствием помогали своим неработающим женам по домашнему хозяйству. Дискуссия заканчивалась восклицаниями типа «Научись сам зарабатывать сначала!» или «Сам ничего не может, а жену на панель посылает!».

Сейчас из-за стены доносились рыдания Вероники и низкий успокаивающий голос Татьяны Самуиловны.

– Что теперь будет? Что теперь будет? – причитала Вероника.

– Успокойся, ничего страшного не произошло. Он просто перенервничал. Ты же знаешь, у него неустойчивая психика. Он сейчас пошумит, покричит и успокоится. Ты сегодня очень правильно сделала, что не стала с ним спорить.

– Зато теперь ты с ним поцапалась.

– Я должна была поставить его на место. А то он совсем зарвался.

– А вдруг ему все это надоест и он уйдет?

– Куда он уйдет? Он абсолютно неприспособлен к самостоятельной жизни. Он уже давно не может жить один без нас.

– А вдруг уйдет? Я что, в тридцать пять лет должна искать нового дурака, который будет меня содержать? Мама, я боюсь. Нельзя было на него так кричать.

– Заткнись, дура. Он может услышать. Я тебе всю жизнь говорила и теперь повторяю. Он просто тряпка, и даже если захочет, то все равно не уйдет от тебя. Просто не сможет принять решение. Он привык, что за него все решаем мы.

Вероника еще немного порыдала, а потом сказала:

– Ты знаешь, я слышала, что здесь, когда разводятся, то даже если нет детей, муж все равно платит бывшей жене алименты.

– Вот и не переживай. Он тебя не достоин, но так уж сложилась твоя жизнь, тут ничего не поделаешь. Поэтому спокойно живи и получай удовольствие от того, что у тебя есть. А его не принимай в расчет. Живи для себя.

– А как же увольнение? Мы же теперь совсем без денег.

– Предоставь это решать ему. В конце концов, он мужчина, пусть сам ищет способы и выкручивается, как знает. Нас это не должно касаться.

За дверью наступило молчание. Тут только я сообразил, что раньше никогда не слышал из гостиной ни одного звука. Мой кабинет имел потрясающую звукоизоляцию. Даже когда в гостиной орал телевизор, я слышал только легкое невнятное бормотание. Однако сейчас я слышал весь разговор так, будто обе женщины стояли рядом со мной. Да и до скандала, вспомнил я, мне было отлично слышно, что говорили по телевизору.

Я даже не стал проверять, закрыта ли дверь. Что-то изменилось во мне. Я понял, что могу не только слышать, но и видеть все, что происходит за стенами. Я попробовал, и отчетливо увидел комнату. Вероника уже не рыдала, а сидя на диване перед телевизором, перелистывала телевизионную программу. Найдя нужную страницу, она удовлетворенно кивнула, позвала мать, и они, как ни в чем не бывало, уселись смотреть очередную серию.

Ощущение новых возможностей переполняло меня. Я понял, что могу, не сходя с места, взорвать весь этот дом, весь город, как взорвал уже сегодня дверь, как проколол шины у лимузина. Вместе с ощущением силы пришла и способность принимать решения. Даже если я был идиотом и тряпкой тридцать пять лет, это не значит, что я останусь таким до конца жизни. Решение пришло сразу. Я должен уйти из этого дома, причем – немедленно. Бросить налаженную жизнь, свой уютный кабинет и уйти. Куда угодно. Хоть к черту, хоть к дьяволу. Лучше уж сразу попасть в ад, чем продолжать весь этот бред. Неожиданно я обнаружил, что последние фразы я уже говорил вслух. Я успокоился и тихо прошептал:

– Да, прочь отсюда. Хоть к черту-дьяволу, но только прочь отсюда.

Внезапно стены комнаты пропали. Я продолжал сидеть за своим столом, сжимая в пальцах недокуренную сигарету, но ни стен, ни пола вокруг меня не было. Я парил в какой-то тускло светящейся пустоте. Вокруг мелькали странные блики. Вот они стали приближаться, закрутились в хоровод, вытянулись в светящуюся колонну. Колонна стала изгибаться, трансформироваться. Вот у нее появилась голова, тело, руки и ноги, и... хвост. Затем все на мгновение вспыхнуло, и я снова очутился в своей комнате. Но уже не один. На стуле напротив меня сидел черт. Самый настоящий черт. Весь покрытый черной мохнатой шерстью, с рожками и пятачком вместо носа. Хоть сейчас вставляй в качестве иллюстрации в томик Гоголя. Именно таких чертей всегда рисуют в комиксах. Поэтому моя реакция на появление необычного гостя оказалась совершенно неожиданной для меня самого – я рассмеялся.

Черт провел руками сверху вниз вдоль своего туловища, и оказался одетым в белый парусиновый костюм, какие носили полуответственные советские работники во времена НЭПа. Он обиженно пробормотал себе под нос:

– Ну вот, говорил же я им, что не надо отключать шумовые эффекты. Бабахнул бы молнией, напустил облако серы, он бы по-другому запел. А то вишь – сидит, хихикает.

Я не подал виду, что расслышал тираду гостя, но все же, как хозяин, решил больше не огорчать его. Я тут же прекратил глупое хихиканье и сказал:

– Добро пожаловать. Кто вы?

Черт, все еще расстроенный тем, что я не испугался, ответил кратко.

– Черт я, черт. Не узнали что ли?

Я получил сегодня хорошую встряску, и пережил такое количество стрессов, что уже ничему не удивлялся. Ну, появился у меня в комнате черт. Ну, значит ему что-то от меня

нужно. Все от меня чего-то требуют, всем я что-то должен. Вот и этому я понадобился. И я, нисколько не смущаясь, ответил:

– Я сам вижу, что черт. Самый что ни на есть классический типаж. А вот как звать вас?

– Кхе, кхе. Вы, однако, меня уже позвали. Потому и явился.

– Я вас не звал!

– А кто только что кричал: «К черту! К дьяволу!»? Не вы ли, а?

– Ну, я. Так ведь с моей семейкой я такое по сто раз на день ору. Если каждый раз, когда я вас поминаю, ко мне будут являться черти, у меня собралась бы уже целая толпа. Или табун, – подумав, закончил я, глядя на ноги своего гостя.

Черт поймал мой взгляд и попытался спрятать копыта под стул. Мне стало неловко.

– Ну, каждый раз было бы слишком здорово, – начал тем временем черт. – Но сегодня вы по-настоящему захотели со мной встретиться. И главное, вы были готовы к такой встрече. Вспомните-ка свои ощущения. Вы сегодня в ударе. Эх вы наворотили с дверью да с лимузином!

– Вы что, с утра следили за мной?

– Что значит следил? Обижаете вы меня. Просто знаю, и все.

– Так, так. Значит, просто знаете. И что вы знаете?

– Мы знаем ох, как много, Александр Леонидович. Ой, как много мы знаем. Но сейчас речь не о нас, а о вас. Итак, вы хотели меня видеть, и я здесь. Что будем делать дальше?

– Даже не знаю. Сегодня со мной творится что-то очень странное, просто черт знает, что творится.

Я прикусил язык, но было поздно. Черт рассмеялся, показав желтые нечищенные зубы.

– Вот именно. Черт как раз и знает. А творятся с вами весьма интересные вещи. И если вы найдете в себе мужество принять мое предложение, то они будут продолжаться и далее. Гораздо более, поверьте мне, интересные вещи. Ну, как, согласны?

– Да на что я должен соглашаться?

– Как на что? Вы хотели попасть в ад, и я вам предлагаю это устроить.

– Эй, погодите, – впервые за все время разговора я испугался. – За что же меня в ад? Допустим, я и грешил, но в конце концов, я пока жив. И к тому же, может быть, я еще исправлюсь, исповедаюсь, что ли, покаюсь перед смертью, в конце концов. Нет, я категорически возражаю!

Черт молчал. Вдруг меня осенила ужасная мысль:

– Или я действительно умер? Перенервничал сегодня и меня хватил инфаркт или удар, а я просто ничего не помню?

Черт усмехнулся.

– Интересный ход мыслей у вас, Саша. Вы простите меня, я так буду вас называть? По-стариковски.

Я молча кивнул. Объятый ужасом от своей догадки, я не смог выдать из себя даже элементарного «ага».

– Так вот, Саша. Во-первых, успокойтесь: вы живы. В каком-то смысле вы сейчас живее всех живых. Вы, безусловно, уже заметили, что с сегодняшнего утра обладаете некими необычными способностями. Вам еще только предстоит узнать ваши новые возможности и научиться ими пользоваться. Поэтому вам сейчас просто опасно находиться среди обычных людей. Вернее, это всем остальным опасно находиться рядом с вами.

В этом была доля истины. По крайней мере, я был все еще жив, что само по себе не могло не радовать.

– И теперь встает вопрос, что же с вами, Саша, делать дальше, – продолжал тем временем черт. – Вы отчасти сами решили его, упомянув, что не прочь отправиться в ад.

Только было успокоившись, я снова занервничал.

– Ну вот, опять вы про ад. Но за что?

– Эк вы заладили: за что, да за что. Да ни за что! Вы неправильно ставите вопрос. Вам следовало бы спросить – почему, зачем, с какой целью?

– Хорошо, считайте, что я спросил, – несколько резко сказал я. Меня уже начало раздражать это хождение вокруг да около.

– Давайте сформулируем это так. Ваше положение на сегодня нельзя назвать завидным. Вам все надоело. Надоело настолько, что вы, наконец, решились изменить свою жизнь. А подсознательно вы еще и горите желанием всем и за все отомстить. Учитывая ваши новые способности, и то, в каком состоянии духа вы теперь пребываете, я даже боюсь загадывать, к чему может привести подобное решение. Поэтому я предлагаю вам альтернативный вариант. Я заберу вас отсюда в такое место, где вы сможете освоиться со своим новым положением, и впоследствии уже обдуманно принять решение о своей дальнейшей жизни. Я обещаю вам, что вы всегда, как только пожелаете, сможете вернуться назад. Если захотите, конечно. В настоящий момент Земля для вас не самое подходящее место. Надеюсь вы меня понимаете?

– Так, давайте-ка я суммирую. Вы предлагаете мне отправиться неизвестно куда, где, если верить вашему обещанию, мне будет лучше. И отправляться я должен имея, опять же, только ваше обещание, что смогу оттуда вернуться. Так? Знаете, меня это не устраивает.

Черт вздохнул. Он тоже начал терять терпение.

– Не надо обижать нас недоверием. Мы, между прочим, всегда выполняем свои обещания. Да, в конце концов, просто рискните! Что вы тут оставляете? Неужели вы не хотите избавиться от всего этого? А по поводу того, куда именно я вас отправлю, то забудьте о предрассудках и не обращайтесь на название. Названия это всегда лишь условность, поверьте мне. Они ничего не объясняют. Ну же, решайтесь.

Черт выжидающе посмотрел на меня.

– Или вы предпочитаете отказаться от шанса коренным образом изменить свою жизнь? Выбирайте сейчас. Второго раза не будет.

Я помолчал. Мой уютный кабинет уже не представлялся мне идеальной защитой от окружающего меня враждебного мира. Я посмотрел сквозь стену. Вероника, видимо для полной уверенности, консультировалась по телефону со знакомым адвокатом о своем материальном положении в случае гипотетического развода со мной. Теща продолжала смотреть телевизор. Люсия уже успела отдаться дону Альфредо, и теперь шантажировала его своей беременностью. Я принял окончательное решение. Повернувшись к черту, я сказал:

– Договорились. Забирайте меня отсюда. Только перед отправлением я хочу кое-что сделать.

Я отвернулся к двери. Телефонная трубка в руках Вероники внезапно раскалилась докрасна и, растаяв, стекла одной большой каплей на пол. Вероника истерически завизжала и позвала мать на помощь. Но та была занята: сидела с остановившимся взглядом и выпавшей вставной челюстью перед останками телевизора. Вместо новенького «Сони», гордости японской технологии, в углу гостиной стояла обуглившаяся пластиковая коробка. Осколки кинескопа и прочая электронная дребедень ровным слоем покрывали весь пол. Не обращая внимания на изменения, происшедшие с телевизором, развратный дон и очаровательная жертва его страсти все еще продолжали выяснять отношения в пустой коробке. Пospорив пару минут, они замолчали, огляделись вокруг, громко выругались по-испански, и исчезли. Телевизор замолчал окончательно.

– Ну вот, – сказал я удовлетворенно черту, который с любопытством и, как мне показалось – с одобрением наблюдал за моими действиями. – А вы боялись. Обошлись самой малой кровью.

Я еще раз осмотрелся вокруг, глубоко вздохнул, взмахнул рукой и сказал:

– Поехали!

Глава 3

– *Наше дело дрянь, -*
начал Швейк слова утешения.
(Я. Гашек. «Похождения Швейка»)

Лязг засовов, щелканье бесчисленных замков, грохот тяжелых стальных дверей. Звуки гулко разносятся в пустоте огромного бетонного помещения. Они сливаются с шарканьем тысяч ног, жалобным бормотанием не совсем проснувшихся заключенных и раздраженными криками охранников. Начинается обычный тюремный день. Наконец, заключенные вышли из камер и выстроились в шеренгу вдоль прохода. Из конца в конец здания пронеслась переключка. Все в сборе. Можно начинать. Из мощных динамиков под потолком раздался бравурный марш, исполняемый на расстроенном рояле. Слащавый до приторности, бодрый голос диктора объявил:

– Доброе утро, дорогие товарищи! Московское время – шесть часов утра. Уважаемые радиослушатели, приготовьтесь, мы начинаем утреннюю гимнастику.

Из динамиков послышался хор мальчиков, которые неслаженно, отчаянно фальшивя, запели «На зарядку, на зарядку, становись!». По рядам прошло шевеление. Не дожидаясь команды, заключенные приняли исходное положение для упражнения номер один. Все поставили ноги на ширину плеч, а руки подняли вертикально вверх.

Порядок упражнений все знают наизусть. Он никогда не меняется, как и сами упражнения. Как и все, что происходит в тюрьме. Администрация делает все возможное, чтобы каждый день, который осужденные проведут в тюрьме, ничем не отличался от других. И, конечно же, служащие из всех сил стараются, чтобы этот день справедливо мог считаться самым скучным и неприятным в жизни заключенного. Точнее не в жизни, а после жизни. Потому что заключенных в этой тюрьме никак нельзя назвать живыми. Это лишь души. Сама же тюрьма – не что иное, как место их постоянного пребывания в аду. Полное название ее «Восточно-европейское отделение Ада, XX век, филиал 48572/594 РБ». Контингент заключенных характеризуется следующим образом. Состав – русские. Официальное вероисповедание – православные. Истинное вероисповедание – мистический атеизм. Партийность – нет. Уголовная ответственность – нет. Степень греховности – от очень низкой до средней низкой. Тип прегрешений – бытовые грехи без предварительного сговора. Время поступления – 1985/2000 гг. Мера наказания – принудительный просмотр телевизионных программ с углубленным изучением рекламных роликов.

Хор мальчиков допел куплеты о зарядке, и диктор начал руководить гимнастикой. Заключенные с ожесточением принялись размахивать руками, приседать и подпрыгивать на месте, стараясь попасть в такт музыке. Музыкант был явно не из первой десятки мировых талантов. Кроме того, у него полностью отсутствовало чувство ритма. Он легко и ненавязчиво пропускал ударные доли, и творчески менял размер исполняемых им шедевров. В середине вальса он мог внезапно перейти на польку; марши он играл в ритме босанова, а некоторые упражнения заключенные выполняли в ритме аргентинского танго. Несмотря на такой странный аккомпанемент, физзарядка проходила необычайно слаженно. Четыре сотни рук и ног поднимались и опускались как шестеренки часового механизма. Команда чемпионки мира по синхронному плаванию заплакала бы от зависти, увидев такую сработанность сотни фигур.

Внезапно музыка прервалась на середине мелодии, голос диктора умолк. Заключенные застыли на месте с поднятой вверх правой рукой. Вдоль строя, цокая копытами по кафельной плитке пола, прошел охранник. Здоровенный черт в мундире тюремного надзирателя и с сержантскими нашивками на погонах, небрежно покручивая в руке кончик собственного хвоста, осматривал своих подопечных. Возле одного из них он остановился. Невысокий плюгавень-

кий мужичонка лет шестидесяти впопыхах перепутал команду, и вместо правой руки поднял левую. И теперь, выделяясь из строя, он стоял страшно перепуганный и «ел глазами» подошедшее начальство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.